

ЭТНИЧЕСКИЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ В ИМПЕРСКОМ И ПОСТИМПЕРСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ / ETHNIC REPRESENTATIONS IN IMPERIAL AND POST-IMPERIAL RUSSIA

Серия «Политология. Религиоведение»

2014. Т. 10. С. 195–205

Онлайн-доступ к журналу:

<http://isu.ru/izvestia>

ИЗВЕСТИЯ

*Иркутского
государственного
университета*

УДК 940.2

Социальные репрезентации населения в контексте переселенческой политики в Сибири в позднеимперский период¹

А. А. Крих

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, г. Омск

Аннотация. Традиционно в отечественной историографии колонизационная политика в России конца XIX – начала XX в. сводилась к сюжетам, связанным с переселением крестьянства на окраины и, в частности, в Сибирь. Миграция представителей других социальных групп фиксировалась на периферии научных исследований с неизбежной констатацией ее незначительности в колонизационном процессе. В данной статье рассматривается влияние сословного аспекта переселенческой политики в Российской империи конца XIX – начала XX в. на социальные репрезентации населения. В начале XX в. правом свободного переселения в Азиатскую Россию при содействии правительства обладали три группы населения: сельские обыватели, мещане-земледельцы и дворяне-землепашцы. Общественная рефлексия сословного характера переселенческой политики привела к тому, что крестьянство перестало восприниматься в качестве нижней ступени сословной иерархии, и «привилегированные» сословные группы на основании государственных законов сделали вывод о приоритетном положении крестьянства в стране. На основе прошений о выделении земельных участков и государственной помощи для обустройства в Сибири проанализированы варианты социальных репрезентаций (т. е. демонстраций переселенческими группами представлений о своем положении в социальной структуре). Первый тип репрезентаций – охранительный – опирался на убежденность в превосходстве своего социального статуса и осознание невозможности поддержания соответствующего ему уровня жизни. Он был характерен для мелких собственников земли – мелкопоместных дворян, почетных граждан и др., владеющих незначительным количеством земли и лично занимающихся сельским хозяйством. Второй тип репрезентаций связан с утилитарным подходом к социальному статусу, готовностью сменить социальную принадлежность в пользу улучшения хозяйственно-бытовых условий жизни. Представители данного типа социальных репрезентаций в конечном итоге приходят к выводу о формальности подразделения российского общества на сословия. Такой тип репрезентации характерен для безземельных дворян, арендующих участки для

---

¹ Работа подготовлена в рамках государственного задания Минобрнауки России, проект № 33.1684.2014/К «Алгоритмический анализ динамики социокультурных систем народов Северной Евразии в XVIII–XXI веках».

сельскохозяйственной деятельности у крестьянских обществ или крупных собственников земли. Логическим разрешением сложившейся вокруг переселенческого дела социальной ситуации стала разработка в 1913–1914 гг. законопроекта о всеобщем переселении в Азиатскую Россию и другие колонизируемые регионы империи. Однако идее всеобщего переселения не суждено было реализоваться на практике.

Ключевые слова: социальные репрезентации, переселенческая политика, Сибирь, безземельные дворяне, разночинцы, крестьянство.

Начало XX в. для российского общества было связано с ускорившейся трансформацией социальной структуры, которая болезненно воспринималась представителями тех сословных групп, которые не вписывались в государственные проекты помощи населению, в частности тех, которые касались колонизации окраин Российской империи. Традиционно в отечественной историографии колонизационная политика в России конца XIX – начала XX в. сводилась к сюжетам, связанным с переселением крестьянства на окраины и, в частности, в Сибирь [1; 3; 5; 24; 26]. Миграция в Сибирь представителей других социальных групп фиксировалась на периферии научных исследований с неизбежной констатацией ее незначительности в колонизационном процессе [22, с. 134–160; 25, с. 173–199].

Впервые на факт разочарования имперских экспертов и властей в крестьянстве как основном колонизационном элементе и поиск альтернативных социальных групп, подходящих на роль культуртрегеров для азиатских окраин империи, обратили внимание омские историки А. В. Ремнев и Н. Г. Суворова [6, с. 164–187; 7; 8, с. 40–44, 53–63; 23]. В их работах затрагивались сюжеты, связанные с пониманием крестьянами-переселенцами своей цивилизующей и колонизаторской роли в процессе укрепления основ империи, но они рассматривались на основе пересказов крестьянской речи переселенческими чиновниками и публицистами [6, с. 157–160; 8, с. 37–38].

Историки-сибиреведы, работающие в рамках колонизационного дискурса, редко обращаются к такому типу делопроизводственных источников, как прошения о переселении в Сибирь, которые присылались на адреса Переселенческого управления МВД, Комитета Сибирской железной дороги, Министерства государственных имуществ (с 1905 по 1915 г. – Главное управление землеустройства и земледелия). Данный тип источников хотя и является массовым, но при этом не подлежит корректному статистическому анализу. Связано это с несколькими причинами. С одной стороны, прошения содержат стандартную информацию с просьбой о переселении и однообразным обоснованием причин данной просьбы, но, с другой стороны, среди монотонного ряда типовых прошений можно встретить послания с подробным описанием жизненных ситуаций, повлекших за собой желание переселиться, и поведенческих практик, снабженных высказываниями или даже развернутыми рассуждениями о социальной дифференциации российского общества, переселенческой политике правительства и пр. В таких «нестандартных» прошениях присутствует имперская риторика, заимствованная потенциальными переселенцами из прессы или в ходе общения с бюрократическими структу-

рами, которая позволяет уловить отклик «большой политики» и имперских замыслов в сознании «молчаливого большинства».

Рефлексии и презентации себя в качестве наилучших агентов колонизации сибирского пространства способствовало сочетание нескольких факторов: определенный уровень образования (либо его эквивалент в виде домашнего обучения, житейской смекалки и пр.) и неблагоприятные жизненные обстоятельства, спасение от которых виделось в помощи со стороны государства. Таким образом, желающим переселиться на восточные окраины приходилось обосновывать свои притязания на государственную помощь в процессах переезда и обустройства на новом месте.

С 1880 по 1909 г. в переселенческом законодательстве постепенно расширялся круг лиц, которым государство было готово помогать в деле колонизации Сибири. Если во Временных правилах 1881 г. речь шла о сельских обывателях как объекте государственной помощи, то к 1889 г. чиновники МВД пришли к выводу, что для успешной колонизации желательнее привлекать в Сибирь еще и мещан [2, с. 55], имеющих опыт земледелия и обладающих достаточными средствами для обустройства на новом месте. В 1893 г. на заседании КСЖД был поднят вопрос о привлечении на сибирские земли «образованных лиц из привилегированных сословий», среди которых преимущество отдавалось безземельным дворянам [12, л. 41 об.– 42]. В 1900 г. императором Николаем II было утверждено положение КСЖД о переселении на казенные земли Сибири дворян-земледельцев.

На этапе согласования законопроекта о переселении в Азиатскую Россию дворян-землепашцев чиновники Переселенческого управления стремились создать для данной категории переселенцев наиболее благоприятные условия для ведения хозяйства в Сибири. Открыто признавалось, что «...успех предстоящего переселения в Сибирь переселенцев рассматриваемой категории находится в прямой зависимости от качества тех земель, которые им могут быть предложены в Сибири» [9, л. 2–2 об.]. В связи с этим исполняющий обязанности начальника Переселенческого управления А. В. Кривошеин предлагал отдать для поселения дворян переселенческие участки, нарезанные в Кокчетавском уезде Акмолинской области – «местности, отличающейся более благоприятными условиями почвы и климата и издавна привлекающей переселенцев, несмотря даже на то, что официально она считалась закрытой для переселения» [9, л. 2–2 об.]. И даже когда понадобилось срочным порядком устраивать в Тобольской губернии и Степном крае 3 700 переселенцев, предназначенных для водворения в Амурской области, но не доехавших до пункта назначения в связи с начавшейся переброской войск по Сибирской железной дороге, в Кокчетавском уезде для возможного переселения дворян-земледельцев оставили неприкосновенными участки на 2 тыс. душевых долей [9, л. 9 об.–10, 12]. Дворяне-землепашцы воспринимались как подходящий «колониционный элемент» для заселения Приамурского края, чье переселение на Дальний Восток освободило бы губернии Европейской России «...от элемента большей частью безземельного или малоземельного, зна-

чительно пополняющего местный пролетариат» [13, л. 214–214 об.]. Те же доводы чиновники приводили для оправдания переселения в Сибирь крестьян.

Таким образом, к началу XX в. правом свободного переселения в Азиатскую Россию при содействии правительства обладали три группы населения: сельские обыватели, мещане-земледельцы и дворяне-землепашцы [19, л. 110 об. 113]. Под названием сельских обывателей скрывался целый спектр этносоциальных групп, перечисленных в работе Н. В. Дунаевой [4, с. 44–48]. Юридически разнобразные группы крестьянства являлись частью сословия сельских обывателей, но при этом в общественном сознании, практике управления, а вслед за этим и в исследовательской литературе термин «сельские обыватели» подменялся более расхожим словом «крестьяне» [4, с. 39–59]. Для обозначения категорий населения, не входящих в разряд сельских обывателей, но лично занимающихся сельскохозяйственным трудом, переселение в Сибирь которых государство было готово финансировать, использовались уточняющие термины, служившие приставкой к основному наименованию (мещане-земледельцы, дворяне-землепашцы).

Представители иных социальных групп (потомственные и личные почетные граждане, отставные чиновники, духовенство, лица мещанского и дворянского происхождения, лично не занимающиеся сельским хозяйством), желающие официально переселиться в зауральскую часть империи, могли «в особо уважительных случаях» наделяться казенными участками земли с предоставлением льгот и пособий, предусмотренных в переселенческом законе для сельских обывателей и мещан-земледельцев [14, л. 55]. Но в каждом конкретном случае требовалось получить «Высочайшее соизволение» императора.

В 1907 г. Переселенческим управлением декларировалась желательность переселения на основании закона от 6 июня 1904 г. в пределы Азиатской России мещан, которые «...хотя бы лично и не занимающиеся хлебопашеством, являются по быту своему не отличающимися от крестьян и... осведомленными в ведении сельско-хозяйственного промысла вообще и усвоившими себе приемы улучшенной сельскохозяйственной культуры...» [14, л. 214 об.]. Однако порядок получения разрешения на переселение при содействии государства оставался прежним – через всеподданнейший министерский доклад и личное разрешение императора.

Поскольку после Русско-японской войны увеличилось количество желающих переселиться в Сибирь, не подпадающих под действие переселенческого закона, в начале 1909 г. в Совете министров главноуправляющим землеустройством и земледелием А. В. Кривошеиным был поднят вопрос о расширении контингента лиц, имеющих право на переселение. Опасаясь «усиленного наплыва» лиц некрестьянского происхождения, но ориентированных на земледелие, «как раз в то самое время, когда крестьянское население напряженно двигалось за Урал», и того, что переселенческое ведомство не справится со своевременной заготовкой участков для водворения всех желающих, А. В. Кривошеин предложил не издавать новый переселенческий закон, а решать «такого рода дела в порядке административном» [19, л. 4 об.–5]. 14 марта 1909 г. император Николай II утвердил особый журнал Совета

министров «О порядке разрешения переселения на казенные земли Азиатской России лицам, по сословному состоянию своему не имеющим на то право», по которому решение о переселении лиц, не упомянутых в переселенческом законодательстве, принимал начальник Главного управления землеустройства и земледелия МВД [19, л. 113].

С момента осознания проблемы необходимости регулирования переселения на восток страны лиц, не предусмотренных в законодательстве, в делопроизводстве начинается поиск терминов, способных объединить представителей разнообразных сословных групп в единую социальную категорию. В качестве общих наименований с 1907 по 1913 г. в ведомственной переписке стали употребляться следующие словосочетания: «земледельцы других сословий» [14, л. 214 об.], «лица некрестьянского сословия» [18, л. 75 об.], «иные мелкие сельские хозяева, вне сословных различий» [10, л. 1], «неземледельческие классы населения» [19, л. 8]. Терминологические штудии чиновников переселенческого ведомства, как и общая логика переселенческого законодательства, свидетельствовали о том, что в эшелонах власти происходило осознание общности разнообразных сословных групп, задействованных в переселенческом процессе, на основании приверженности к сельскохозяйственным занятиям.

Сословный характер переселенческой политики не только осознавался в обществе, но и практически вызывал чувство ревности по отношению к сельским обывателям, опекаемых правительством, у представителей других социальных групп. Крестьянство перестало восприниматься в качестве нижней ступени сословной иерархии, и «привилегированные» сословные группы на основании государственных законов делали вывод о приоритетном положении крестьянства в стране.

Проницательные представители интеллигенции в своих прошениях о переселении в Сибирь подчеркивали однобокость переселенческой политики: «Все внимание Правительства, все денежные средства, ассигнуемые на устройство переселенцев, исключительно направлены на пользу крестьянского сословия и отчасти, с большими ограничениями, на пользу мещан; другие же сословия... совершенно забыты», в то время как «...среди лиц других сословий найдется не мало таких, которые с пользой для Государства могли бы колонизовать окраины нашего отечества, следует только помочь им в этом деле. Ибо для успешной колонизации требуется не только одна грубая физическая сила для борьбы с природой, но необходимо еще образование, которого к сожалению не хватает нашему крестьянству и которое могут внести в край другие сословия» [14, л. 253].

Со стороны так называемых привилегированных сословий на крестьян сыпались обвинения в жадности и бескультурье [11, л. 7 об.; 20, л. 74]. Как писал один из сибиряков-разночинцев, чей отец, став государственным служащим, вышел из крестьянского состояния, Было время, земля зачислялась за разночинцами, крестьяне ставились к нам в зависимость! Теперь обратная несправедливость: земля зачисляется за крестьянами и разночинцы попадают к ним в зависимость: крестьяне мечтают уже брать по рублю в год за сажень! Масса разночинцев уже бежала из Боготола – вследствие чрезмерных требо-

ваний крестьян» [20, л. 74]. Крестьянам приписывали низкий уровень умственного и нравственного развития, называя их «жестокодушнейшими законопреступными язычниками» [15, л. 78 об.]. В подобных высказываниях дворян и разночинцев прослеживалось стремление дискредитировать крестьянство в глазах ведомств, ответственных за переселенческую политику, и повысить таким образом ценность собственных групп для колонизации сибирских окраин.

Эмоциональный стиль многих прошений был вызван несоответствием между номинальным статусом просителей, относившихся к привилегированным сословиям, и реальностью, в которой быт «привилегированных» ничем не отличался от крестьянского. Потомственные дворяне Халчевские, поселившиеся в поселке Дворянском Алексеевской волости Акмолинского уезда в 1908 г., следующим образом определили свое социальное положение: «По образу жизни и по роду занятия мы нисколько не отличаемся от крестьян. Возьмите наше дворянское звание, оно нас не кормит. Назовите нас как хотите, но дайте нам земли. Земля – это наш хлеб, без земли мы существовать не можем, так как жить другой жизнью кроме земледелия мы не способны» [16, л. 2 об.–3].

Сложившаяся ситуация, сопровождаемая чувствами дискомфорта и социальной неудовлетворенности, диктовала два возможных способа ее преодоления и, на основании этого, репрезентации своей социальной принадлежности. Первый тип репрезентаций можно условно назвать *охранительным*. Он опирается на убежденность в превосходстве своего социального статуса и осознание невозможности поддержания соответствующего ему уровня жизни. Такой тип репрезентации был характерен для мелких собственников земли – мелкопоместных дворян, почетных граждан и др., владеющих незначительным количеством земли и лично занимающихся сельским хозяйством.

Примером такого типа репрезентаций служит высказывание дворянина А. И. Горюшкина, изложенное в преамбуле его прошения о получении казенного участка земли в Сибири на имя императора Николая II (1896 г.): «19 февраля 1861 г. по промыслу Всемогущего Бога, покойным Государем Дедом Твоим, Царем Батюшкою Александром Николаевичем по Всероссийской Державе Твоей, совершено было освобождение крестьян из крепостной зависимости с наделом земли; с того времени сословие Дворян стало упадать так, что в настоящее время преобразовалось много уже мелкопоместных дворян, т. е. владеющих землей собственностью от 3 до 10 десятин включительно, в числе которых нахожусь и я...» [13, л. 354]. Получив ходаческое свидетельство, Горюшкин отправился в Западную Сибирь, где, осмотрев несколько переселенческих участков, отказался от идеи поселения в Сибири [13, л. 367].

Получением земельных наделов в Азиатской России представители данного типа социальных репрезентаций хотели поправить свое экономическое положение для поддержания статуса принадлежности к дворянскому сословию.

Второй тип репрезентаций связан с *утилитарным* подходом к социальному статусу, готовностью сменить социальную принадлежность на улучшение хозяйственно-бытовых условий жизни. Именно представители утилитарного типа социальных репрезентаций в конечном итоге приходят к выводу о формальности подразделения российского общества на сословия.

Такой тип репрезентации характерен для безземельных дворян, арендующих участки для сельскохозяйственной деятельности у крестьянских обществ или крупных собственников земли. Распространенным для утилитарных репрезентаций является следующее описание группой виленских потомственных дворян своего социального положения (конец XIX в.): «Мы никогда не имели подданных крестьян, как равно и своей собственной оседлости, а проживаем на арендных землях от землевладельцев, поэтому мы желаем отправиться в Сибирь и получить надел земли наравне с крестьянами» [13, л. 258–258 об.]. Ради получения земельного надела в Сибири многие безземельные дворяне просили дать им право «причислиться к сословию Верноподданных Вашему Императорскому Величеству крестьян» [17, л. 38].

Несмотря на психологическую готовность части безземельных дворян сменить свою социальную принадлежность, в русле продворянских охранительных настроений принимается особый закон о переселении дворян-землепашцев в Сибирь от 22 июня 1900 г., позволяющий обедневшим дворянским семьям получить выгоду из своего социального происхождения в виде большего, по сравнению с крестьянами-переселенцами, земельного участка казенной земли. Разъяснение переселенческим ведомством дворянам-просителям сути закона от 22 июня 1900 г. снимает вопрос о переходе в крестьянское сословие.

Применение закона о переселении дворян-землепашцев в Сибирь на практике привело к противоречивым результатам. С одной стороны, большая часть размежеванных участков для размещения дворян-переселенцев оказалась невостребованной и их отдали под поселение крестьянам. А с другой стороны, безземельным дворянам, желающим переселиться в Сибирь на основании закона от 22 июня 1900 г., приходилось обивать пороги переселенческого ведомства, неоднократно писать прошения о льготном переезде и наделении земельными участками и ждать годами положительных резолюций на свои прошения, так как наиболее частым ответом был отказ в переселении на основании нехватки в Сибири дворянских переселенческих участков. Цепь замкнулась, и дворяне-земледельцы почувствовали себя загнанными в социальную ловушку. Самарский безземельный дворянин Н. И. Дробышев, ходатайствующий о переселении в Сибирь более пяти лет, писал в 1915 г. в своем прошении на адрес министра земледелия и землеустройства: «Крестьяне свободно, где можно, имеют полную возможность переселяться, получать земли и пособия от казны на обустройство, тогда как бедному дворянину-землепашцу, занимающемуся тем же трудом, как и крестьянин, почти невозможно добиться того, что полагается законом. Чем же мы виноваты, что родились в дворянском звании?» [21, л. 117 об.].

Участие России в Первой мировой войне сказалось на практике социальных репрезентаций. Обязательным моментом для прошений о переселении и наделении участками казенной земли стало упоминание о службе в действующей армии самого просителя либо его ближайших родственников. Одинаковое положение сословий в отношении военного призыва стало одним из оснований требований равенства в получении помощи от государства

в процессе переселения в Сибирь. «Не хочется верить, чтобы на наше положение не было обращено внимание и чтобы дети одной и той же матери-родины, которую защищают в настоящее время и мои три брата, пользовались неодинаковыми правами и льготами!» – писал Н. И. Дробышев в том же прошении 1915 г. [21, л. 118].

Понимание властями бесперспективности сословного подхода в деле колонизации Азиатской России было озвучено в 1908 г. в мотивационном отказе Переселенческого управления на прошение о государственной помощи при переселении личного почетного гражданина Волынской губернии Ф. И. Сачковского. Тогда было упомянуто о разработке проекта, разрешающего переселение в Сибирь всем сословиям [14, л. 254]. Но лишь 7 октября 1913 г. в Государственную думу был направлено представление Главного управления землеустройства и земледелия «О предоставлении лицам всех сословий права переселения на казенные земли Азиатской России на общих с сельскими обывателями основаниях» [10, л. 1–2]. Хотя Переселенческое управление и являлось инициатором законопроекта о всесословном переселении в Азиатскую Россию, в то же самое время, в мае 1913 г., заведующему Семиреченским переселенческим районом указывалось, что «...первой и основной задачей деятельности Переселенческого Управления является в настоящее время, по смыслу Правил Переселения и назначению отпускаемых по смете Управления кредитов – образование участков для нужд переселенческого дела, как такового, т. е. для устройства лиц, переселившихся из Европейской России. Всякие отклонения от этой основной задачи, в частности в сторону насаждения крупных частных хозяйств, образования оброчных статей и наделения землею лиц некрестьянского сословия, могут иметь место лишь постольку, чтобы не идти в ущерб заготовке переселенческих участков и устройству пришлого земледельческого населения» [18, л. 75–75 об.].

Представление, получившее статус законопроекта, было направлено 30 октября 1913 г. в переселенческую комиссию Государственной думы и было рассмотрено на заседании комиссии 22 февраля 1914 г. в присутствии начальников отделов заинтересованных в новом переселенческом законе ведомств: Переселенческого управления Главного управления землеустройства и земледелия и Земского отдела Министерства внутренних дел.

После проработки формулировок 22 марта 1914 г. проект закона «О предоставлении лицам всех сословий права переселения на казенные земли Азиатской России и губерний Архангельской, Вологодской, Вятской, Костромской, Олонецкой и Пермской на одинаковых с сельскими обывателями основаниях» был направлен на одобрение в Государственную думу [19, л. 111]. Оговорка в первой статье первого раздела законопроекта о том, что действие Правил о переселении на казенные земли распространяется «на всех русских подданных, без различий состояний и независимо от рода занятий их, желающих водвориться на казенных землях Азиатской России..., если только означенные лица имеют право жительства в соответствующих местностях» [19, л. 108], исключала возможность переселения в Сибирь за государственный счет евреев. Во второй статье этого же раздела прописывалось

социальное положение переселенцев, которые после водворения на казенных землях зачислялись в состав сельских и волостных обществ, в результате чего они могли пользоваться всеми правами членов сельских обществ, равно как и нести их обязанности, сохраняя при этом свои «личные права и обязанности, соединенные с принадлежностью их к высшим сословиям» [19, л. 108]. Таким образом законодатели пытались предотвратить распри в переселенческих сельских обществах с неоднородным социальным составом, опираясь на опыт землеустройства в Сибири дворян-земледельцев, которые, ссылаясь на свое происхождение, отказывались уплачивать мирские и окладные сборы. Второй раздел законопроекта отменял особые правила водворения на казенных землях дворян-землепашцев, в частности положение о больших (от 60 до 100 десятин) семейных земельных наделах для этой категории переселенцев.

Проект закона о всесословном переселении в срочном порядке был представлен на заседании Государственной думы 2 апреля 1914 г. Доклад по законопроекту зачитывал представитель умеренно-правых сил секретарь переселенческой комиссии Государственной думы А. Л. Трегубов [19, л. 110]. Думой законопроект был одобрен, но на этом превращение его в законодательный акт остановилось, в связи с чем в 1914–1917 гг. заселение казенных земельных участков в Сибири происходило на основе старого переселенческого закона.

С одной стороны, на фоне ухудшения экономической жизни реализовать помощь от государства в процессе переселения на восточные окраины страны всем желающим было бы невозможно, но, с другой стороны, применение старого переселенческого закона не способствовало ослаблению соперничества между схожими в хозяйственно-бытовом, но различными в правовом отношении социальными группами как в европейской, так и азиатской частях России.

Таким образом, колонизация имперских окраин, в частности Сибири, вскрыла проблему перерастания сословной структуры российского общества в классовую. Сословной политикой переселения оказались недовольны многие межсословные группы, которые неизбежно возникали в сословном обществе, но на которые не ориентировались законодатели при выработке основных положений, регламентирующих грандиозный процесс колонизации. Развитие переселенческого законодательства шло по пути постепенного расширения списка социальных групп, которым государство было готово помогать в процессе заселения окраин. В результате этого просители, обладающие определенным уровнем образования, указывали чиновникам на необходимость «всесословного» подхода к практике переселения, намекая на тонкость сословных перегородок. Логическим разрешением сложившейся вокруг переселенческого дела социальной ситуации становится разработка законопроекта о всесословном переселении в Азиатскую Россию и другие колонизируемые регионы империи. Однако идее всесословного переселения не суждено было реализоваться на практике.

Список литературы

1. *Белянин Д. Н.* Столыпинская переселенческая политика в Томской губернии (1906–1914 гг.): монография / Д. Н. Белянин. – Кемерово : Изд-во КузГТУ, 2003. – 176 с.

2. *Береговая Е. П.* 115 лет со дня издания Закона «О добровольном переселении сельских обывателей и мещан на казенные земли» / Е. П. Береговая // *Край наш Красноярский: календарь знаменательных и памятных дат на 2004 год.* – Красноярск, 2003. – С. 55–56.

3. *Волчек В. А.* Осуществление имперской политики на восточных окраинах России в деятельности Второго Сибирского комитета : монография / В. А. Волчек. – Новосибирск : Сиб. науч. кн., 2006. – 420 с.

4. *Дунаева Н. В.* Между сословной и гражданской свободой: эволюция правосубъектности свободных сельских обывателей Российской империи в XIX в. : монография / Н. В. Дунаева. – СПб.: Изд-во СЗАГС, 2010. – 472 с.

5. *Островский И. В.* Аграрная политика царизма в Сибири периода империализма : монография / И. В. Островский. – Новосибирск : Изд-во Новосиб. ун-та, 1991. – 308 с.

6. *Ремнев А. В.* Колонизация Азиатской России: имперские и национальные сценарии второй половины XIX – начала XX века : монография / А. В. Ремнев, Н. Г. Суворова. – Омск : Издат. дом «Наука», 2013. – 248 с.

7. *Ремнев А. В.* Колонизация Азиатской России поздним имперским периодом в геополитическом и национальном измерениях / А. В. Ремнев, Н. Г. Суворова // *Восток России: миграции и диаспоры в переселенческом обществе. Рубежи XIX–XX и XX–XXI веков.* – Иркутск : Отгиск, 2011. – С. 72–120.

8. *Ремнев А. В.* Управляемая колонизация и стихийные миграционные процессы на азиатских окраинах Российской империи: оценки и прогнозы имперских экспертов / А. В. Ремнев, Н. Г. Суворова // *Миграции и диаспоры в социокультурном, политическом и экономическом пространстве Сибири. Рубежи XIX–XX и XX–XXI веков.* – Иркутск : Отгиск, 2010. – С. 17–64.

9. РГИА (Рос. гос. ист. архив). Ф. 391. Оп. 1. Д. 636.

10. РГИА. Ф. 391. Оп. 1. Д. 994.

11. РГИА. Ф. 391. Оп. 2. Д. 285.

12. РГИА. Ф. 391. Оп. 2. Д. 388.

13. РГИА. Ф. 391. Оп. 2. Д. 389.

14. РГИА. Ф. 391. Оп. 3. Д. 183.

15. РГИА. Ф. 391. Оп. 3. Д. 1013.

16. РГИА. Ф. 391. Оп. 3. Д. 1478.

17. РГИА. Ф. 391. Оп. 4. Д. 1007.

18. РГИА. Ф. 391. Оп. 5. Д. 241.

19. РГИА. Ф. 391. Оп. 5. Д. 349.

20. РГИА. Ф. 391. Оп. 5. Д. 826.

21. РГИА. Ф. 391. Оп. 5. Д. 1978.

22. *Степныгин В. А.* Из истории попыток насаждения в Сибири дворянского землевладения / В. А. Степныгин // *Учен. зап. Краснояр. гос. пед. ун-та.* – 1995. – Вып. 4. – № 1. – С. 134–160.

23. *Суворова Н. Г.* Переселенческая община и русская колонизация Азиатских окраин Российской империи в конце XIX – начале XX вв. / Н. Г. Суворова // *Западная Сибирь и сопредельные территории: демографические и социально-исторические процессы (XVII–XX вв.) : материалы Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 90-летию дра ист. наук, проф. А. Д. Колесникова.* – Омск : Изд-во СибАДИ, 2009. – С. 164–175.

24. *Тюкавкин В. Г.* Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа : монография / В. Г. Тюкавкин. – М. : Памятники ист. мысли, 2001. – 304 с.

25. Худяков В. Н. Аграрная политика царизма в Сибири в пореформенный период : монография / В. Н. Худяков. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 1986. – 263 с.

26. Чуркин М. К. Переселение крестьян черноземного центра Европейской России в Западную Сибирь во второй половине XIX – начале XX вв.: детерминирующие факторы миграционной мобильности и адаптации : монография / М. К. Чуркин. – Омск : Изд-во ОмГПУ, 2006. – 376 с.

The Social Representations of the Population in the Context of Migration Policy in Siberia in Late Imperial Russia

A. A. Krikh

Abstract. It is a tradition in Russian historiography, that colonial policy in Russia in the end of XIX and the beginning of XX centuries came down to aspects of peasant movement to peripheral areas of Russian Empire, to Siberia particularly. Migration of other social groups was recorded on periphery of scientific mainstream, with many scholars' telling that it was insignificant in the process of colonization. In this paper the author examines the importance of stratum (soslovie) in migration policy of Late Imperial Russia on social representation of population. In the beginning of XX century there were three groups of population which could move freely within Asiatic Russia, they were village inhabitants (sel'skie obivateli), bourgeois-farmers (meshchane-zemledel'tsi) and nobles-tillers (dvoryane-zemleposhtsi). Public self-reflection led to change of this perspective: peasants were no longer perceived as a lower stratum, and other "privilege" groups began to think peasantry to occupy higher priority position in country then they did. The author analyzes different variants of social representations (i. e. demonstration by migration groups their ideas about their position in the social structure) based on petitions to grant land and government aid. The first type of representations is *conservative*. It is based on the belief in priority of one's own social status and combined with awareness of impossibility of maintaining an appropriate level of life. It was characteristic for petit nobles, honorary citizens etc. having a small plot of land and being personally engaged in farming. The second type of representation is associated with a utilitarian approach to social status, willingness to change social class to improve house-hold and practical needs. Representatives of this type eventually come to the conclusion that Russian division of society into classes is rather formal. This type of representation is typical for landless nobles taking lease of a piece of land from peasant societies or large land owners. Working out in 1913–14 draft law on all-strata (vse-soslovnno) resettlement to Asian Russia and other colonized regions of the empire became logical resolution of the situation with the resettlement. The idea of all-strata's resettlement, however, was not to be realized in practice.

Keywords: social representations, migration policy, Siberia, landless nobles, commoners, peasantry.

Крих Анна Алексеевна

кандидат исторических наук, доцент,
кафедра этнологии, антропологии,
археологии и музеологии
Омский государственный университет
им. Ф. М. Достоевского
644077, г. Омск, пр. Мира, 55
тел.: 8(3812)670515
e-mail: novoselovaa@rambler.ru

Krikh Anna Alekseevna

Candidate of Sciences (History), Associate
Professor, Department of Ethnology,
Anthropology, Archeology and Museology
F. M. Dostoevsky
Omsk State University
55, Mira pr., Omsk, 644077
tel.: 8(3812)670515
e-mail: novoselovaa@rambler.ru